



ГРАД НА ХОЛМЕ

Владимир Ляйхт

Владимир Ляйхт

Град на холме

«Автор»

2026

Ляйхт В.

Град на холме / В. Ляйхт — «Автор», 2026

Не может укрыться город на вершине холма. Его сияние манит всех искателей счастья и лучшей жизни, но также привлекает алчных разбойников, которые жаждут найти своё счастье за счёт других. Нет ничего прекраснее и ужаснее града на холме, в котором встречаются люди со всех концов света для жизни, ненависти и любви. Одним из таковых искателей является Глеб. Влекомый чувством долга и памятью о прошлом, он возвращается в отчий дом.

Неизвестно, что ему ждать в граде на холме, как и граду на холме неизвестно, чего ждать от нового, но такого знакомого искателя. На фоне политических интриг, военных легенд и семейных драм разворачивается история героя, который вынужден выбирать между долгом, выгодой и собственными принципами. Это история о неизбежном столкновении с прошлым: как оно настигает даже тех, кто пытался от него сбежать, и как возвращение домой может оказаться самым опасным путешествием в жизни.

© Ляйхт В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Путь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир Ляйхт

Град на холме

Глава 1 Путь

Жёлтый лист бумаги отдавал странным химическим запахом, а толщина поражала своей тонкостью. Это был самый настоящий шедевр экономии на канцелярии от государственных бюрократов.

Лист бумаги ничтожной толщины, дешёвые чернила, плохоразличимая печать и несоизмеримо несоответствующее виду бумаги послание.

«УВЕДОМЛЕНИЕ О СМЕРТИ»

«Глеб Владимирович, с прискорбием сообщая Вам, что Ваша мать, Вероника Тимофеевна Соловьёва, скончалась.

В связи с этой трагедией, Вы являетесь единственным родственником для получения наследства, согласно завещанию усопшей.

Прошу Вас явиться в Административный комплекс Александрополя»

— Градоначальник А.М. Мокрый.

Мать... Смешно. Она не была моей родной матерью, она была моей дражайшей мачехой. Я, пожалуй, не смогу вспомнить того дня своей юности, когда, видя её, моё сердце не охватывало злобой. Только сейчас понимаю, насколько зря так о ней думал. Она не была ко мне зла, она не стремилась даже отбирать моё наследство, она просто была мне неродной, и не пыталась ей стать. И сейчас я ей за это благодарен, только жаль, что не могу больше поблагодарить её в лицо.

Вероника была, несомненно, права, что сослала лающего щенка подальше от денег отца, который, видя мою слабость, переписал всё на жену. Я бы на её месте усыпил бы щенка вообще, но, к счастью для меня, она была не лишена милосердия и сочувствия.

А теперь её больше нет, как и нет моей злобы. Мечта юности сбылась, а во мне нет радости, злорадства или хотя бы чего-то на душе, только поразительное равнодушие ребёнка, которому возвращают уже ненужную ему игрушку.

Зато мой дядюшка Елисей чуть не расшиб себе лоб об потолок в прыжке от радости, когда прочёл данное извещение. Старик предвкушал вкус имущества и возрождения нашей фамилии в высших кругах аристократии Александрополя. В своей мании сохранения фамилии порой он доходил до настолько безумных идей, что желал выдать мою кузину замуж за меня. К счастью, его удавалось обуздать во время таких безумных порывов. А старик то и дело сетовал: не дал ему Бог, чтобы у него родились сыновья, но хотя бы дал племянника.

Не сказать, что он был беден, что ему недоставало известности. Он был вполне обеспечен, в его кармане была целая частная армия, и слава о нём ходила по нашей стране десятилетиями. Но, за свой способ получения, эти деньги и слава были сомнительны для высших кругов столицы. Дядюшка, закончив военную академию столицы, отправился участвовать в «Южном блице», и в итоге остался на юге навсегда. А солдаты под его началом прославились в газетах мародёрствами и разрушением религиозных зданий аборигенов. И как бы дядюшка не говорил про борьбу с работорговлей, кровавыми жертвоприношениями и гаремами с детьми обоих полов, для всех он запомнился как мародёр, который не отправился под трибунал исключительно из-за хлопот моего отца.

На деле отец за дядюшку не хлопотал, армия не видела в его действиях ничего предосудительного. А если кто-то и видел, то их быстро переубеждали рапорты офицеров всего Южного

Корпуса, что со слезами и ужасом описывали культурные практики народов, подпавших под «блиц».

Декларация Яблокова гласила: «Все мы люди, все мы равны, все мы должны уважать традиции других». Но что было делать солдатам на Юге с хозяевами гаремов в соответствии с этой декларацией? Ответа никто так и не получил. Ни тогда, ни сейчас. А с наступлением уже «Северного блица» вопросы южного забылись, словно никогда их и не было.

За годы, проведённые на юге, я многое понял и осмыслил. Юношеский идеализм сменился юношеским радикализмом, а юношеский радикализм сменился разочарованием и умеренностью. Можно было бы себя смело оправдывать фразой: «Кто в юности не был радикалом — у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором — у того нет ума». Но сейчас я твёрдо убеждён, что ума и сердца у меня нет...

Смерть Вероники нам не просто открыла дорогу обратно в столицу, но и даже открыла возможность отомстить за наше забвение. Точнее, всего этого хочет дядя. Он поднял все свои контакты на севере и связи в столице, дабы с новыми ресурсами утолить свои уязвленные чувства. И сердце моё подсказывает, что миром вся эта затея не кончится.

Теперь я мчусь на север отдать свои деньги неизвестно кому и неизвестно на что.

— Хм... Этот птичий нос я узнаю из тысячи. Радует, что хоть что-то в этой жизни остаётся неизменным.

Неожиданный ехидный женский голос зазвучал в моём правом ухе, и от его внезапности я вздрогнул.

— Простите, мы знакомы?..

Не успев вымолвить в полной мере вопрос, я осёкся, оказавшись в крепких женских объятиях. Но также стремительно меня из них выпустили.

— Глеб, неужели я так состарилась за эти одиннадцать лет?

Отойдя от меня на шаг, девушка развела руки в стороны, демонстрируя себя во всей красе. А демонстрировать было что! Высокая и статная фигура поражала своей утончённостью, которую подчёркивало дорогое, явно иностранное, изысканное зелёное платье. Цвет платья волшебным сочетался с её изумрудными глазами.

— Ну?

— Наташа?

— Право, мой забывчивый друг! Но нынче уже Наталья Максимовна — наследница всех грязных строек к западу от Мраморной реки. Хотя... Лучше просто Наталья. Ату с отчеством я действительно словно какая старуха для своих двадцати семи.

— Я невероятно рад тебя видеть, Наташа. То есть, Наталья.

— А как я рада видеть тебя! Я, к слову, ещё с самих Центральных регионов сижу и смотрю, ты или не ты.

— Центральных регионов?! Ты битый час не могла понять — я или нет? Действительно, старовата ты стала.

— Ой! Иди ты, мой действительно СТАРЫЙ друг. Только посмотри на себя! Заимел морщины, осунулся, а выражение лица мрачнее некуда.

— Ничего такого я не заимел, подруга! А все изменения подпадают под категорию «возмужал».

— Да, то есть — состарился.

От этих слов Наташа хихикнула и нарочито пренебрежительно позвала бармена.

— Эй, ты! Да, ты. Нам на двоих самый дорогой бренди.

Бармен поклонился и налил нам два столичных бренди. Наташа подвинула ко мне стакан и пристально уставилась на меня.

— Горькие истории нужно слушать под горькие напитки. Так, начинай петь, Соловей.

— Почему сразу горькие истории? Истории ничуть не горькие. Меня сослали к дяде, дядя отвесил мне пару оплеух, я перестал быть малолетним дурачком, и сейчас возвращаюсь обратно по делам. Конеч!

Наташа вопросительно подняла на меня правую бровь и возмущённо промолвила:

— И это всё?!

— Да, всё. Мои последние одиннадцать лет жизни были необычайно скучны и неинтересны.

— Глеб, ты мне тут не ври! Твой дядя... Елисей Соловьёв, да? Моя бабуля про него говорила, что в детстве он был весьма милым ребенком, в отличие от твоего отца. А потом он повзрослел и стал столичной легендой благодаря своей службе на юге. Хочешь сказать, что ты скучал у живой легенды все одиннадцать лет?

— Всё верно, Наташа. Я скучал все одиннадцать лет у дяди.

— Ой, ладно тебе, Глеб! Ну, расскажи, пожа-а-а-а-луйста.

Наташа скорчила жалобное и заискивающее лицо, которое она корчила перед своими родителями ещё в детстве, что всегда смотрелось умилительно и комично, а сейчас — тем более.

— Я действительно не знаю, что мне рассказывать. В своей сути я только и занимался тем, что работал «принеси-подай».

— Да, да! Принеси-подай, иди на три буквы, не мешай. Ты работал «принеси-подай» у самого Елисея Соловьёва! Его мечтает увидеть в могиле вообще всё наше высшее общество, особенно мой отец. Даже газетчики желают ему поскорее отъехать в мир иной, вслед за твоей мачехой. К слову, соболезную твоей утрате.

— Наташ, не читай столичные газеты. Это вредно для здоровья, особенно для пищеварения. И спасибо за соболезнования.

— У меня всё хорошо с пищеварением.

— Сама прекрасно знаешь, что газеты принадлежат нашему дорогому и любимому во все места высшему обществу.

— Ладно, я ведь это не от какого-то осуждения говорю, а от безмерного любопытства, что распирает тут меня. Я не видела тебя одиннадцать лет! К слову, я тебя ждала все эти одиннадцать лет, а ты даже и слова не хочешь проронить про живую легенду. Степень моей обиды представляешь?

— Да, пожалуй, представляю. Ладно, пару маленьких историй я тебе расскажу потом.

— Когда «потом»?

— Поужинаем сегодня в девять вечера в «Путеводной звезде»?

Наташа засияла и быстро захлопала в ладоши.

— Ушам своим не верю! Помню, ты меня только в клубы и приглашал, а тут ресторан для нашей элитки! Растёшь.

Я улыбнулся и пристально посмотрел на неё.

— Так согласна?

— Спрашиваешь ещё! Конечно.

Незаметно для меня, к нам подошла огромная фигура в деловом костюме. И голос, похожий на лязг железа, произнёс:

— Госпожа, прошу прощения за беспокойство, но мы приближаемся к Александрограду. Прошу Вас пройти к своему месту.

Наташа, опечалившись в лице, взглянула на меня, а затем, посмотрев на громилу, язвительно произнесла прямо ему в лицо:

— Спасибо, Герман.

Громила слегка поклонился и пошел в сторону своего места.

— Герман?

— Ревнуешь? — всякая гримаса печали мигом слетела с лица Наташи.

— Возможно.

— Это мой «охранник». Его, и ещё троих, отец приставил ко мне, когда дал мне порулить парой дел. Но, боюсь, что они со мной далеко не для охраны... Кажись, отец меня в чём-то подозревает.

— И сколько заграничных платьев ты купила в этот раз?

— Глеб! Я уже большая девочка, какие платья? Тут скорей дело в той истории с «Зелёными повязками»...

Моему изумлению не было предела, а может, и ужасу. «Зелённые повязки» — та самая организация, которую указал мне дядя для сотрудничества. Именно на неё он сделал ставку со всеми своими надеждами на месть. И тут наследница одного из самых богатых кланов имеет какие-то истории с этой организацией.

— Глеб, всё хорошо?

— Да, всё нормально. Так что за история у тебя там была с «Зелёными повязками»?

— Ладно, пару маленьких историй я тебе расскажу потом. Жду тебя в девять вечера в «Путеводной звезде».

На этих словах мы и распрощались, а по громкоговорителю объявили:

«ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Дорогие пассажиры, мы прибываем на Центральный вокзал нашей Великой столицы — Александроград».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.